

ЖУРНАЛ ШЕБУЕВА

№ 18 СОДЕРЖАНИЕ:

МЕЧТА. А. ГРУНИНЪ.—ДУХУ ТЬМЫ. А. МИКУЛЬЧИКА.—СКАЗКА О БОЛЬШЕВИКЪ И МЕНЬШЕВИКЪ. Н. ШЕБУЕВА.—АНКЕТА. Н. ГЕОРГЬЕВИЧА.—ВОКРУГЪ ТЕАТРА-ТРИО.—РАЗЪЯСНЕНИЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ.—СЫЩИКОВЫ ИМЕНИНЫ. РАЗСКАЗЪ Н. ШЕБУЕВА. СЪ РИС. И. В. РЕМИЗОВА.—ОПЫТЪ. Н. ГЕОРГЬЕВИЧА.—СКАЗКА. В. ТРОФИМОВА.—СМЕРТЬ ПАРОДИИ. ГРАФА БЕНГАЛЬСКАГО.—О СТЫДЛИВОСТИ. В. ЛЕНСКАГО.—КВАРТИРОЛОГІЯ. О ХОЛОСТЫХЪ. СЪ РИС. ВАЛЬЧИСА

МЕЧТА.

Мы порвемъ оковы вѣчности;
Сбросивъ иnetz былыхъ вѣковъ,
Въ ясной дали безконечности
Мы узримъ своихъ боговъ.
И въ сянїи чарующемъ
Вновь грядущей красоты
Миръ откроетъ всѣмъ тоскующимъ
Радость сбыточной мечты.

АЛЕКСѢЙ ГРУНИНЪ.

ДУХУ ТЬМЫ.

Не уйдешь! Никуда не уйдешь,
Всюду бѣшено буря несется,
Местъ остра, какъ сверкающій
ножъ,
И тростникъ передъ бурей гнется.
Не уйдешь ты отъ грома судьбы,
Не спасутъ тебя вихри пустыни,
На свободу рванулись рабы,—
Опрокинуть боговъ и святыхи.

А. МИКУЛЬЧИКЪ.

СКАЗКА О БОЛЬШЕВИКЪ И МЕНЬШЕВИКЪ.

Приготовилъ Палачъ двѣ веревки: одну чуточку подлиннѣе—для Большевика, а другую чуточку покороче—для Меньшевика.

Повелъ ихъ въ лѣсъ вѣшать.
Затѣяли по дорогѣ Меньшевикъ съ Большевикомъ споръ. Только и слышно:
— Плехановъ сказалъ...
— Ленинъ написалъ...
— Плехановъ утверждаетъ...
— Ленинъ отрицаетъ...

Стали они подходить къ постоялому двору. Палачъ и говоритъ:

— Господа хорошіе, нѣтъ ли у васъ по двугривенному? Я бы зашелъ на постояльный горло промочить.

Дали ему эсдеки по пятналтнному. Пошелъ Палачъ пить. А буфетчикъ ему говоритъ:

— Что ты дѣлаешь... Какъ же ты оставилъ крамольниковъ на улицѣ однихъ. Они удержатъ и послѣ съ тебя же начальство взыщеть.

— Ничего, говорить.—Всѣхъ эсдековъ не перевѣшаешь.

— Да вѣдь ежели они уйдутъ, тебя чиновъ-званіевъ лишатъ!

— Небось, не уйдутъ. Коли бы это были два меньшевика—ушли бы. Или два большевика—тоже ушли бы. А вѣдь это большевикъ и меньшевикъ, имъ не столкнуться.

И точно. Выпилъ Палачъ, закусилъ, съ трактирщикомъ душу отвелъ, вышелъ за ворота, а они, миленькіе, подлѣ воротъ стоять и другъ на друга насканиваютъ.

Большевикъ кричитъ:
— Все зло отъ меньшевиковъ!
Меньшевикъ:

— Все зло отъ большевиковъ!
Одинъ:
— Безуміе поддерживать всю Думу. Надо только трудовую группу!

Другой:
— Безуміе поддерживать только трудовую группу. Нужно всю Думу!

— Да, вѣдь, вы же, дураки, выборы въ Думу бойкотировали.

— Къ вамъ, дуракамъ, присоединились. Васъ, идиотовъ, послушали.

И опять:
— Плехановъ сказалъ...

— Ленинъ написалъ...
— Плехановъ утверждаетъ...
— Ленинъ рекомендуетъ...

Идутъ по дорогѣ въ лѣсъ, а сами самыми истинно-русскими выраженіями другъ друга озадачиваютъ.

Подошли къ двумъ соснамъ. Палачъ началъ на веревкахъ петли завязывать. Пыхтѣлъ, пыхтѣлъ, инда усталъ!

— Ну, господа хорошіе, нѣтъ ли у васъ прикурить. Вы тутъ въ послѣдній разъ поспорьте, а я съ устатку прилягу послъ сосну да малость сосну. Потомъ отдохнувши въ лучшемъ видѣ васъ повѣшу: тебя, Большевикъ, вотъ на этой веревкѣ подлиннѣе, а тебя вотъ на этой—покороче.

Заснулъ Палачъ. А тѣ опять:
— Плехановъ и не думалъ писать...

— Ленинъ и не пытался утверждать. Кричали, кричали о томъ, что Плехановъ думалъ и чего не думалъ, и вдругъ Большевикъ сообразилъ:

— А что, если намъ схватить Палача да повѣсить, а самимъ удрать.

Меньшевикъ возмутился:
— Это будетъ частичный терроръ. А объ террорѣ Ленинъ въ одной изъ...

И начали спорить о террорѣ. Наконецъ все-таки рѣшили, что это не терроръ, а самозащита,—частичная самозащита.

Ударили по рукамъ. Рады, что наконецъ таки добились единодушія хоть въ этомъ рѣшеніи. Большевикъ схватилъ веревку, которая подлиннѣе, и побѣждалъ, чтобы накинуть петлю на Палача.

Меньшевикъ вспынулъ весь:
— Какъ... Ты думаешь, что мы, меньшевики, позволимъ повѣсить палача на большевистской веревкѣ.

— Ужъ не вообразилъ ли ты, что большевики допустятъ для этой дѣли веревку меньшевиковъ!..

И пошелъ у нихъ тутъ споръ, на которой изъ двухъ веревекъ вѣшать. Услыхалъ ихъ крики Палачъ, проснулся. Видитъ, дѣло не ладно. Вскочилъ на ноги:
— А, такъ вы такъ-то!.. Крамолу затѣяли!

Схватилъ обѣ веревки и повѣсилъ эсдековъ.

Только потомъ ужъ спохватился, что, вѣщая ихъ, веревки спросонокъ перепуталъ.

Махнулъ рукой.
— Э... да плевать... Не перевѣшивать же ихъ...

Такъ и виситъ по сіе время Большевикъ на меньшевистской веревкѣ, а Меньшевикъ на большевистской.

Н. ШЕБУЕВЪ.

АНКЕТА.

О любви, о чистой прекрасной, всеисцѣляющей, всепримиряющей, всеосозидающей и всеразрушающей богинѣ почти не пишутъ мнѣ корреспонденты.

Можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что они стали сказкой миновавшихъ лѣтъ.

Категорично вопросъ: какую роль играетъ любовь въ дѣлѣ отвращенія отъ разврата. На двѣсти слишкомъ писемъ, полученныхъ мной, только три всецѣло посвящены любви.

Только три. Они наивны, безграмотны, безсодержательны, эти письма.

Но я привожу ихъ, потому что они открываютъ уголки скромныхъ незамѣченныхъ существованій.

Они интересны не столько психологически, сколько этнографически.

КЪ РАЗСКАЗУ «СЫЩИКОВЫ ИМЕНИНЫ».

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

НА ГОДЪ 6 РУБ., НА 6 МѢСЯЦЕВЪ 3 РУБ. 50 КОП., НА 3 МѢСЯЦА 2 РУБ. НА 1 МѢСЯЦЪ 75 КОП.

ВЫШЕДШЕ ДО ЯНВАРЯ 1907 ГОДА 16 НОМЕРОВЪ ВЫСЫЛАЮТСЯ ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ ЗА 1 РУБЛЬ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦѢ ПО 60 КОП. НА ПОСЛѢДНЕЙ ПО 30 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛЯ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ: КОВЕНСКИЙ, 14.

КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 1 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.

ВЪ КОНТОРѢ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЕ ИЗДАНИЯ Н. Г. ШЕБУЕВА:

ВСѢ ВЫШЕДШЕ НОМЕРА ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА.

№№ 2, 3 и 4 „ПУЛЕМЕТА“ по 10 коп., (съ пересылкой 15 коп.).

Выпуски 1, 2 и 3 „Сочинений ШЕБУЕВА“ по 15 коп., съ пересылкой 20 коп. за выпускъ.

Книжки: 1) „Безъ предвзвѣстной цензуры“—35

юмористическихъ разсказовъ (изданіе второе съ иллюстраціями и. м. гравированное).

2) „Японскіе вечера“ и негативы изъ руски.

3) „Негативы“ изъ русскаго слова.

4) „Негативы“ изъ руски.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИЖИ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ВЪ Г. МОСКВѢ ГАЗЕТУ ШЕБУЕВА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ А. А. ЯРЦЕВА, САДОВАЯ-ТРИУМФАЛЬНАЯ, БЛИЗЪ М. ДМИТРОВКИ, Д. ПЕРСИЦЪ, № 58.

Желѣзнодорожный чиновникъ, гимназистъ, монтеръ пусть говорятъ о любви, какъ умѣютъ и что умѣютъ.

Я привожу ихъ письма вовсе безъ поправокъ.

Это—человѣчскіе документы. А въ документахъ должно избѣгать подчистокъ.

«Глубоко заинтересованный открытой Вами анкетой, я особенно затронутъ былъ тѣми выводами, которые говорятъ о полномъ отсутствіи какого бы то ни было значенія въ жизни нашего юношества первой любви. Вполнѣ соглашаясь, на основаніи личныхъ наблюденій, съ самими выводами, я не могу въ той же мѣрѣ согласиться и съ основаніями, приводимыми для этихъ выводовъ. Мнѣ кажется, причиной искаженія положенія жизни теперешняго общества является не отсутствіе первой и горячей любви, а безрезультатность, разочарованіе и неудовлетвореніе ея... Впрочемъ, я не мастеръ философствовать на отвлеченныхъ темъ: мысли и желаемая доказательствъ абыгужу впереди пера и выходятъ изъ повиновения мнѣ, и поэтому отказываюсь отъ отвѣченности; я, разскажу душе историю своей жизни, по возможности кратко, точно и безпристрастно.

Мои родители были довольно крупные помѣшники одной изъ центральныхъ губерній и известны не только богатствомъ, но и знатностью, ибо родословная наша велась въ шестой бархатной книгѣ. Все это я говорю исключительно съ цѣлью дать нѣкоторыя указанія на воспитаніе, полученное нами—дѣтми этихъ родовитыхъ и кичливыхъ дворянъ шестидесятихъ годовъ. Всего насъ было пятеро: 3 сестры и 2 брата, не 2 сына одного отца, а действительныхъ братья, родившихъ по крови и духу. Несмотря на то, что я былъ двумя годами старше Владимира, мы жили съ нимъ одною жизнью, одними интересами, радостями и печальми. Девяти лѣтъ одного за другимъ насъ отдали въ кадетскій корпусъ и такимъ образомъ къ сентиментально-романтическому воспитанію, вынесенному нами изъ родительскаго дома, прибавили еще кадетскую школу, пручившую насъ къ полному повиновенію чужой воли, но не давшей ни малѣйшаго навыка владѣть собственной. Домашнее воспитаніе дало намъ чуть ли не съ пеленокъ склонность къ чистоплотности и «хорошій тонъ» и быть можетъ, только благодаря этому намъ удалось остаться въ сторонѣ отъ той вульгарности и грязи, которыми пропитана была жизнь нашихъ товарищей.

Отчасти благодаря моимъ плохимъ способностямъ и дѣли, отчасти по желанію родителей, но въ корпусѣ мы шли влѣсъ, и когда брату исполнилось 17, а мнѣ почти 19 лѣтъ, мы были уже на порогахъ къ выпуску. Страсти наши и сердечная, и плотская—молчали. Въ этомъ я могу ругаться не только за себя, но и за брата, т. к., повторяю, другъ отъ друга у насъ не было тайнъ и секретовъ; каждый изъ насъ вѣрилъ другому, какъ самому себѣ а, можетъ быть, и больше... И потому, когда я вскорѣ, случайно встрѣ-

тившись въ домѣ одного изъ товарищей съ полу-портничкой, съ полу-бонной,—подобилъ ее всѣми силами своей молодой неопытной души, отъ Владимира это не было тайной; ему мои чувства, быть можетъ, были пока непонятны, но близки и дороги...

Я былъ счастливъ: мнѣ отвѣчали взаимностью, меня также любили первой горячей любовью... Непозбѣжная страсть одного встрѣтила гармоничный откликъ въ другой; мы стали мужемъ и женою (конечно, незаконными). Слухи объ этомъ дошли до родителей, а тамъ и дальше, на меня стали поглядывать косо, се совсемъ прогнали. А тутъ нагрянули родители—начиналась мелодрама... Въ это тяжелое время поддержку и утѣшеніе мы находили лишь въ нашей любви, да Владимира, горячо доказывавшемъ нашу правоту и истину.

Въ концѣ концовъ пронохало и начальство. Грозило исключеніе и лишь, въ виду заслугъ моего родителя, мнѣ разрѣшили было перевестись въ другой корпусъ. Но разстаться хотѣя бы и на годъ—было выше силъ нашихъ. Впрочемъ, за себя я не ругаюсь: быть можетъ, у меня одного не хватило бы силы противиться въѣвшемуся въ плоть и кровь чувству страха и повиновения чужой воли, но моя Аня была не барскаго воспитанія—борьба для нея была обычнымъ житейскимъ дѣломъ—и она или вѣрнѣе—чувства и любовь, сроднившая насъ, поддерживали и меня въ происходящей борьбѣ.

Ни угрозы начальства, ни доводы товарищей и родственниковъ, ни перуны угрозы отца, ни слезы матери,—не могли удержать меня въ корпусѣ... Разрывъ былъ полный: родители отрелись отъ меня и даже, кажется, проклинали «родительскимъ проклятіемъ, навѣки нерушимымъ», а бывшіе товарищи и такъ выше—забыли.

Я сбѣжалъ простымъ мастеровымъ. Около двухъ лѣтъ мы жили съ Аней гражданскимъ бракомъ, пока общій заработокъ нашъ не достигалъ 25 руб. въ мѣсяцъ—тогда мы повѣнчались, имѣя уже одного ребенка. Теперь—я также рабочий, но какъ монтеръ, зарабатываю около 100 руб., и мы счастливы, и дѣти наши не сѣтуютъ, что они не генеральскіе дѣти и не ходятъ въ мундирахъ съ эполетами...

Но рѣчь не обо мнѣ.—Владимиръ одинъ изъ всѣхъ не пересталъ быть братомъ, онъ горевалъ за меня, но одобрялъ и ободрялъ. Духовная близость наша оставалась прежняя. И очень скоро я узналъ изъ его словъ, что и ему «пора» настала. Онъ влюбился въ дочь старшаго корпуснаго фельдшера и такъ же, какъ и я, безповоротно. Началась переписка, свиданія, поцѣлуи... Близость любимой и любящей дѣвушки несомнѣнно не могла не разбудить даже въ чистомъ и непорочномъ Владимирѣ быть можетъ и грязнаго, но законнаго самца, который зачастую просыпается еще въ ребячeskихъ лѣтахъ. Но дѣвица блула себя и дальше поцѣлуевъ у нихъ не заходило. Такъ прошло около полугода, Владимиръ уже кончилъ

Н. Г. ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 12 Ч. КОВЕНСКИЙ, 14. ТЕЛЕФ. РЕДАКЦІИ 41-43, ТЕЛЕФ. ТИПОГРАФИИ 216—03.

корпусъ и заговорилъ было о женитьбѣ, но ни родители, ни сама дѣвица не нашли брака своевременнымъ, уговаривая отложить его до окончанія Юнкерскаго училища. Владимиръ страдалъ, страдалъ физически и нравственно: порывы бурной неизвѣданной страсти требовали исхода, всѣ помыслы и мечты концентрировались на любимомъ существѣ, а «существо», боясь незаконныхъ фактическихъ результатовъ, обуздывало собственную страсть, требуя того же и отъ Владимира, суля грядущія утѣхи и обжигая его безконечными поцѣлуями. Но что можно жениться, то не всегда возможно и мужичить. Владимиръ буквально болѣлъ... Любить и не обладать, бороться съ непреодолимой страстью, боготворить родное, близкое молодое тѣло и удовлетворять порывы бурной, молодой крови на сторонѣ съ незнакомыми чуждыми женщинами—это муки нечеловѣчскія... Любя чистое и непорочное и надѣясь рано или поздно обладать имъ, Владимиръ не могъ грязнить себя, чтобы не загрязнить въ будущемъ своей святини.

Онъ пытался объяснить, просить, умолять, но не былъ понятъ. А кровь кипѣла; чувствовалось, что часъ паденія близокъ и неизбѣженъ,—побороть природу—нѣтъ силъ у человѣка. Владимиръ это сознавалъ и... застрѣлился. Оскверняя святиню онъ не сталъ... А на другое утро нашли «святиню», отравившуюся сѣрными спичками... История эта въ свое время нашумѣла, но въ ту эпоху романтизма фундамента ея никто не доискивался.

Съ тѣхъ поръ прошло почти 1/4 вѣка, но до сихъ поръ мучительная загадка стоитъ передо мной: «гдѣ правда?» Владимиръ или я? «Святиня» или моя Аня? И правъ ли былъ братъ, лишая себя жизни? Правъ ли его божество, храня цѣломудріе, убивши двѣ жизни?—Не знаю: вѣдь я простой рабочий, хотя и «самоуважаемый», сознательный рабочий, окруженный своими учащимися дѣтми и самъ уже интересующійся жизнью, но, повторяю, только рабочий, для котораго на первомъ планѣ экономическая и социальная проблемы, а моральная—жизненная забава...

Я могу ошибаться, легко могу ошибаться, но я глубоко вѣрю, что правда—съ нами: Аней и мною... Пусть говорятъ, что нашъ поступокъ безразсуденъ,—но мы поступали честно. Мы мучили другихъ—но если люди мучаются, видя честность, то въ этомъ мы меньше всего виноваты. Любовь освѣтила нашъ союзъ, любовь насъ двинула къ правдѣ, она же принесла и счастье...

Я въ это вѣрю; даже и теперь, когда со мною живетъ моя дочь и незаконный сынъ ея, мой незаконный внукъ—у меня нѣтъ для нея словъ укоризны: она любима, она спасла себя можетъ и не отъ смерти, но отъ разврата; я не могу наложить запрета на любовь, и отецъ ея сына мнѣ такъ же близокъ, какъ и мой «незаконный» внукъ, ибо я знаю, что юноша этотъ предпочтетъ скрытой жи разврата открытую правду и пройдетъ и еще не одинъ годъ, а незаконное все же станетъ законнымъ, т. к. первая «счастливая» любовь—крѣпка и вѣрна.

Пусть говорятъ, что «репутация» моей дочери «запятнана»,—я знаю, что «душа» ея чиста и незамарана, т. к. первая правда открытаго исповѣданія своей первой «святой» любви...

Вотъ моя жизнь—вотъ моя вѣра... Онѣ мнѣ запрещаютъ поднять камень осужденія въ наше юношество, т. к. мой братъ, мой милый Володя остался чистъ лишь потому, что умеръ.

Съ почтеніемъ Дмитрій Ш.—монтеръ чугуно-литей. и мех. завода.

II.

«Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ! Читая въ вашей газетѣ анкету, мнѣ захотѣлось кой-что высказать по поводу возрѣзанія нѣкоторыхъ вашихъ корреспондентовъ, что наша анкета безцѣльна и не можетъ принести пользы въ отрѣзленіи юношества отъ разврата...

Я съ такими вашими корреспондентами не согласенъ и совѣтъ другаго мнѣнія...

И появленіе вашей анкеты я могу лишь приветствовать, ваши труды, вашу ини-

циативу и всѣхъ цивилизованныхъ труженниковъ, примкнувшихъ къ доброду и благородному начинанію. Я надѣюсь, что этотъ вашъ трудъ принесетъ много и много блестящихъ успѣховъ въ отрѣзленіи заблудшаго юношества.

Ваша анкета изъ фактической жизни въ будущемъ станетъ пицей и нравственной поддержкой молодого поколѣнія, такъ какъ у насъ кромѣ медицинскіхъ книгъ, никакихъ теорій и книгъ, вообще на эту тему, въ нашъ вѣкъ, не существуетъ, а потому-то наше общество и развращено...

И мое мнѣніе, чтобы былъ успѣхъ въ спасеніи юношества отъ порока, о которомъ вы начали писать, есть мнѣніе—чтобъ у насъ писались публицистическія статьи, повѣсти, разсказы, и тѣмъ бы образовались бы книги. Писались они чтобъ преимущественно идеально дѣйственными писателями и вообще не развращенными. Такъ какъ развращенный писатель никогда не согласится ставить пошло героевъ развращенныхъ.

И въ этихъ сочиненіяхъ ихъ чтобъ поощрялась нравственность и каралась безнравственность. Въ нашъ же вѣкъ благодаря распущенности какъ молодежи, такъ и взрослыхъ субъектовъ, забывшихъ религиозную нравственность, всегда порокъ поощряется, а идеальная дѣвственность, на оборотъ, презирается. Такое общество всѣми силами старается развратить молодыхъ людей. Привожу примѣры:

Желѣзнодорожный прѣмщикъ нѣкто Г. А. разсказывалъ мнѣ слѣдующее: «Мнѣ было 13 лѣтъ,—говоритъ онъ,—у насъ была служанка, вдова 28 лѣтъ. Въ праздникъ Пасхи семья наша ушла въ церковь, а я остался со служанкой дома. Я былъ молодымъ, симпатичнымъ мальмы и чувствовалъ, что наша служанка меня любила. Я еще спалъ утромъ, она пришла ко мнѣ въ одной рубашкѣ и положила на при мнѣ. (Это было въ провинціальной мѣстечкѣ, гдѣ въ первый день Пасхи поздняя литургія оканчивается до восхода солнца, а затѣмъ освѣщеніе пасхи).

Такъ что здѣсь я конечно поновѣлъ потерлѣ свою невинность». Вообще женскій полъ, не говоря о проституткахъ, преимущественно изъ дамочекъ и вдовушекъ старается всюду искусить невинныхъ юношей и тѣмъ, конечно, вернуть въ море разврата и терзаній совѣсти.

Со мною была тоже история. Въ 19-лѣтнемъ возрастѣ я жилъ у одной вдовушки на квартирѣ, но къ счастью весьма съ отвратительной рожей, да къ тому же я уже былъ влюбленъ въ одну цѣломудренную, хотя и зрѣлую дѣвицу. Вдовушка же эта мнѣ нѣсколько разъ предлагала свои услуги, но такъ какъ я къ ней пыталъ отрѣзненіе, то, конечно, избѣгъ совукупленія... Я не могъ согласиться на сожитіе, нося въ своихъ мысляхъ и сердцѣ то прекрасное существо, хотя бѣвыми годами меня старше, въ которомъ заключалось все мое счастье на землѣ. Чистая любовь къ этой цѣломудренной дѣвушкѣ изъ меня возмужала стихоплетомъ, но благодаря своему мало развитію и образованности, стихи мои были слабы.

Годъ тому назадъ у насъ на станціи одинъ взрослый телеграфистъ предложилъ двумъ молодымъ телеграфистамъ въ 18 лѣтъ женщину проститутку. Задуманное, конечно, совершилось... Всѣ три субъекта заболѣли перелоемъ. Два изъ нихъ лежали въ больницѣ полтора мѣсяца, а третій, сверхштатный, лежалъ въ больницѣ не хотѣлъ и не въ состояніи былъ... Лечился онъ самъ кое-какъ. Конечно, иногда являлся на службу, а иногда и не являлся... Но когда несчастный приходилъ на службу, то его окружали всѣ телеграфисты и издѣвались: «Вотъ-то цѣлѣный», говорили они, попался наконецъ... Яодорфомъ несетъ отъ С.» и т. д. Словомъ, безъ всякаго стѣсненія публично смѣялись, не стѣсняясь и барышней, изъ коихъ было много и благодарныхъ. И что-жъ, несчастный въ числѣ 60 человѣкъ телеграфистовъ и телеграфистокъ настолько нравственно страдалъ, что за два мѣсяца впасть въ скорострѣжнюю чахотку и скончался.

Главная причина развращенности въ

наше время — потеря религии. Теперь за скамейкой сидит ученик 13 лет и говорить — Бога нет, кь дьвущамь можно ходить, ибо природа требует. И всё эти свьдннн онь, конечно, почерпнул оть 18 дьвннхь развращеннхь товарищев.

Наша станция, гдѣ я служу телеграфистомъ, вся состоитъ изъ развращенныхъ шарлатановъ. Здѣсь всѣ телеграфисты съ 18 по 40 лѣтъ, всѣ они говорятъ, что природа требуетъ. И публично безъ всякой морали рассказываютъ свои мерзкіе поступки молодымъ неопытнымъ юношамъ. Рассказы о развратѣ здѣсь болѣе въ почтеніи, чѣмъ какіе-либо научные и просвѣтительные рассказы. А потому эти господа и стараются всѣми силами развить молодыхъ людей.

Теперь скажу болѣе подробно о своей жизни, какъ я достигъ настоящихъ 23 лѣтъ въ полной идеальной дѣвственности. Я родился въ деревнѣ, сынъ довольно нравственныхъ и религиозныхъ родителей. До 18 лѣтъ я былъ въ деревнѣ, учился и былъ довольно скромнымъ и религиознымъ мальчикомъ. Здѣсь развратиться я не могъ, потому что нѣтъ гдѣ и съ кѣмъ.

Порока же Оана я также избѣгъ, можетъ быть, благодаря попавшейся подъ руки мнѣ, 9 лѣтнему, книжкѣ «Грѣхи молодыхъ людей». Съ 18 лѣтъ я поступилъ телеграфистомъ при станціи N, гдѣ, несмотря на развращенность телеграфистовъ, я разврата до настоящихъ 23 лѣтъ избѣгъ.

Религиозный мой духъ здѣсь также не палъ, быть можетъ, благодаря бѣдному своему состоянию. Я избѣгалъ всякихъ обществъ. Товарищи конечно меня звали въ рестораны и публичные дома, но я умѣлъ уклоняться... и вмѣсто ресторана и публичныхъ домовъ я посещалъ читальни и церкви. Вообще я стремился къ самообразованности, такъ какъ по бѣднотѣ родителей окончилъ только народное училище. Любимымъ для меня чтеніемъ было изъ свѣтскихъ писателей стихотворенія, романы живые, если можно такъ сказать, философскія сочиненія, и медицинскія по гигиенѣ. А нахлѣбниковъ сочиненія, выражаясь по Шиллеровски, мнѣ никогда читать не хотѣлось... Изъ этихъ книгъ я увидѣлъ всю суету себя окружающей среды, всю гниль развратныхъ коллегъ. Религия и любовь къ С. И. были настолько сильны до сего времени, что я никогда не соглашался и не соглашусь быть развращеннымъ... Читая Шиллера, мнѣ особенно пришлось по душѣ его философское сужденіе о любви. Привожу его отрывокъ:

«Среди своихъ наклонностей, происходящихъ изъ чувства прекраснаго и составляющихъ принадлежность развитыхъ душъ, болѣе всего имѣть силы для нравственнаго чувства облагороженный эффектъ любви, и ни одинъ изъ нихъ не бываетъ болѣе плодотворителенъ, соответствующимъ истинному достоинству человека. На какую высоту возноситъ она человѣческую природу, и какія божественныя искры выскакиваетъ она нерѣдко изъ самыхъ обыкновенныхъ душъ! Ея святымъ огнемъ пожирается всякая эгоистическая наклонность, и даже принципы не могутъ сохранить цѣломудренности души чище, чѣмъ любовь охраняетъ благородство сердца. Часто, гдѣ первые еще борются, любовь уже одержала за нихъ побѣду и всею вселенною дѣятельностью ускоритъ рѣшимость, которую напрасно требовалъ бы долгъ отъ слабого чловѣка. Кто не върился бы эффекту, который такъ сильно беретъ подъ охрану лучшее въ чловѣческой природѣ и тѣмъ побѣдноно сорется съ природнымъ врагомъ всей нравственности — эгоизмомъ».

Читая приведенный выше отрывокъ, я былъ уже влюбленъ въ телеграфистку С. И., любилъ конечно божественно любовно, и меня эта шиллеровская бесѣда на столько порадовала, что я росъ не по днямъ, а по часамъ въ нравственномъ отношеніи... Еще одну предъпріимство.

Товарищъ мой, нѣкто Ц, 18-лѣт. возраста, на мой вопросъ, стоить ли мнѣ развращаться, сказалъ мнѣ: «я, говоритъ, развратный дѣтина, но тебѣ говорю отъ чистаго сердца: избѣгай разврата, т. е. держись... если возможно... А когда провалишься, то тебя и будетъ тянуть въ бездну разврата, печали и терзаній совѣсти. Ты представь себѣ

идеально-дѣвственную дѣвушку, въ которой заключается все твое счастье, а взгляни на себя, что ты пороченъ, быть тамъ, гдѣ ненужно... сколько получишь ты угрозы совѣсти». Я этому товарищу тоже конечно вѣрилъ, такъ какъ у меня уже пробудившись была ревность между развратомъ и дѣвственностью. Но за то мои коллеги въ телеграфѣ, какъ лвы, разинувшіе пасти, окружали меня и всякъ издѣвались.

Одинъ говоритъ:—Г. В., поѣдемъ къ дѣвочкамъ. Другой говоритъ:—Г. В., я васъ познакомлю съ хорошею, только 50 коп. притоговъ. Третій—оставьте, Господа! Г. В. любить Оану и т. д., и т. д.

О, сколько ненависти или зависти, не знаю, въ нашемъ желѣзнодорожномъ обществѣ, какъ къ дѣвущамъ, между дѣвущами, такъ и къ юношамъ между взрослыми субъектами, ведущими свой образъ жизни идеально дѣвственнымъ!

Моя хозяйка, нѣкто Б., имѣя конечно просвѣщенныхъ друзей и посѣщая ихъ, неоднократно рассказывала мнѣ о моихъ качествахъ. Тамъ конечно поощряли мой образъ жизни, а она, возвратясь, все подробно передала мнѣ. Я, разумеется, хрипился и товарищамъ, совѣтникамъ ни во что не вѣрилъ.

Но самая главная нравственная, поддержка для меня былъ романъ. Какъ я выше говорилъ, 18-лѣтній влюбился въ телеграфистку С. И., старшую меня лѣтами на 6 лѣтъ. Я былъ въ это время ученикомъ телеграфной школы, а она была штатная телеграфистка. Обладая она великимъ умомъ, не дурна была красотой и нравственна до безконечности, такъ что всѣ были и есть въ восхищеніи отъ дѣвственной ея скромности и красоты. Она на худая дѣла не имѣла и не имѣть ни очей, ни ушей, ни ногъ, ни языка, словомъ она слыветъ и теперь у насъ богиней дѣвственности. Влюбившись въ нее, я три дня не ѣлъ, не спалъ... Она мнѣ представлялась прямо святой...

Но у меня полового чувства къ ней почти и не бывало... Глядя ей въ очи, я только краснѣлъ, какъ восьмилѣтній мальчикъ, на ея румяныхъ губкахъ я чувствовалъ лишь неописуемую сладость. Меня охватывали бурная волненія и муки, какъ бы впитаясь въ ея сладкія губки. Но такъ какъ я былъ еще ученикомъ, да дикимъ и меланхоличнымъ, то не то что оно пощляухъ, но и по дѣламъ служебнымъ я не смѣлъ съ ней заговорить свободно...

И подъ такимъ меланхолическимъ эффектомъ любви, я началъ писать стихи, но такъ какъ я малообразованъ, мои стихи были очень слабы. Но я, писавшій стихи, я имѣлъ поэтическія минуты, услаждавшія мои палимыя губы. Мнѣ мило было любовное терзаніе! Я въ эфирѣ ловилъ ея портретъ и воображеніемъ сосалъ ея губы. Я и теперь ее не меньше люблю. Мнѣ теперь 23 года, а любовь во мнѣ къ С. И. вовсе не измѣнилась. Пять лѣтъ я люблю ее чисто поэтично, и любить ее буду безконечно божественно любовью! Роману конца предсказать не могу, такъ какъ я еще продолжаю посылать ей посланія.

Телеграфистъ В—вскій.»

Къ письму приложены и образцы музыки.

Дѣвцу любить
И все блаженство видѣть въ ней,
Но не осуществлять мечты своей,
Что пользы на свѣтѣ жить?

Лучше монашество любить,
Отъ свѣта удалиться
Съ родными распротнаться
И молитвой жить.

В.

Благоравно плѣвннхнсь я тобою,
Куда своихъ идей я невозвожу,
То всюду ты видима у меня святою,
И мнѣ тебя я на свѣтѣ не нахожу.

Во снѣ ли по городу скитаюся,
Иль въ телеграфѣ я сижу,
То всюду съ твоимъ торжествомъ я встрѣчаюсь
И на него благоговѣно лишь гляжу.

Прости, дорогая, что я стихами надобль
И твоимъ супругомъ быть хотѣлъ.
Прости, что я какъ любилъ тебя, такъ и люблю,
И молитвой жить.

Но любить меня, тебѣ я не говорю...
И твоимъ супругомъ сама должна родиться,
Прости, что любовь взаимная сама должна родиться,
И тогда лишь можно жить и вѣселиться.

Прости, что я нелюбимымъ быть и не хочу
И лучше встраданіи и умолочу...

В.

Помѣщая эти версификаторскіе опыты, несмотря на всю ихъ некультурность.

Любовь всегда имѣть право высказываться стихами.

И часто чѣмъ лучше любовь, тѣмъ хуже стихи.

III.

«Это было въ началѣ дѣта, когда все кругомъ такъ жизнерадостно и прекрасно... Помню, у меня въ то время была какой-то особый приливъ: хотѣлось жить, любить, и въ искренней платонической любви найти идеаль... но ея, къ сожалѣнію, какъ и многіе изъ насъ, я не нашель... Были у меня товарищи, и какъ почти всѣ товарищи, испорченные и развращенные до костей мозга; я по природѣ слабохарактерный, инстинктивно поддавался ихъ вліянію, и тутъ произошло мое первое паденіе.

Произошло оно при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ то время я жилъ на дачѣ... Однажды, прогуливаясь по обширной полянѣ, я замѣтилъ неподалеку отъ себя милую блондинку, которая, какъ видно, ничего не имѣла противъ нашего знакомства, но я не рѣшался и не могъ съ ней нахально познакомиться, и сталъ ждать удобнаго случая, чтобы познакомиться съ ней посредствомъ кого-нибудь изъ товарищей.

Ждать пришлось не особенно долго, одинъ изъ моихъ товарищей, наконецъ, познакомилъ меня съ ней.

На слѣдующій же день я назначилъ ей свиданіе; съ жаждой ждалъ наступленія вечера, но какъ на зло, только стемнѣло, разразился проливной дождь; несмотря на такое препятствіе, на свиданіе я пошелъ, пришла и она...

Помню, съ какимъ сильно боющимся сердцемъ взялъ я ее объ руку... (до тѣхъ поръ я былъ немножко antifeminis'томъ).

Мнѣ везло... окно мое выходило въ садъ, гдѣ жила она, мы часто переговаривались и переписывались съ ней...

Часто въ товарищеской средѣ я слышалъ о ней очень не лестные отзывы, но я не вѣрилъ, я не могъ вѣрить, она была такъ молода, такъ симпатична, (ей было всего 15 лѣтъ, но она была уже вполне сложившейся женщиной)... Многіе изъ товарищей, узнавъ о моемъ близкомъ знакомствѣ съ ней, смѣялись надо мной, что я не «пользуюсь случаемъ», а одинъ даже, съ циничнымъ смѣхомъ, заявилъ, что не позже, какъ вчера, она имѣетъ съ ней сношенія, но я не вѣрилъ имъ, и пропускать всѣ ихъ циничные разговоры о ней мимо ушей... Однажды мнѣ представился случай... это было ночью на полянѣ... темно... кругомъ насъ ни души... Я хотѣлъ ее только испытать, я хотѣлъ узнать правду... И я узналъ ее... Она отдалась... я не могъ сдержать нахлынувшей страсти... Я отдалъ ей свою невинность...

Значить и товарищи говорятъ иногда правду!!

Уважающій Васъ

Евгеній Ш.

Р. С. Если для насъ будетъ полезна исторія паденія этой дѣвущи, которую она однажды мнѣ сама рассказала, то будьте любезны дать отвѣтъ мнѣ въ слѣдующемъ номерѣ вашей уважаемой газеты, я съ большимъ удовольствіемъ готовъ описать ее. Готовый къ услугамъ Е. Ш.»

Вотъ и все о любви...

Въ другихъ письмахъ говорится до нельзя категорично одно и то же: Любовь не играла никакой роли...

Никакой...

Несчастные...

Н. ГЕОРГИЕВИЧЪ

ВОКРУГЪ ТЕАТРА.

Савишна, Савишна
Не вчерашня—давншина.

Пѣсня.

Ново! Ново! Достигнуто, превозидено!
Г-жа Савина перешла на роли старѣющихъ особъ (см. «Мама Колибри»).

А такъ какъ разучивать такія роли скучно, то она ихъ вовсе и не разучиваетъ.

На первомъ представленіи къ услугамъ маститой артистки было три... суфлера.

Одинъ занялъ обычный постъ въ суфлерской будкѣ.

А двое другихъ помѣстившись за кулисами—одинъ справа, а другой слѣва.

Дѣло подкаски было раздѣлено точнѣйшимъ образомъ.

Суфлировать обязанъ былъ только

тотъ суфлеръ, къ которому въ данный моментъ по ходу дѣйствія г-жа Савина подходила ближе.

А такъ какъ у суфлера съ правой стороны былъ зубъ со свистомъ, то казалось, что во время савинскихъ монологовъ свиститъ соловей.

Три суфлера...

Въ сущности говоря, дирекція Императорскихъ театровъ давно шла въ этому. Почему въ самомъ дѣлѣ возможны семь режиссеровъ, а не возможно семь суфлеровъ.

Пусть у каждой декорации будетъ выстроена будочка, на манеръ тѣхъ, которыя строятъ для часовыхъ, и тамъ стоять по суфлеру.

Это очень, очень облегчитъ. Смотрите, вѣдь, при трехъ режиссерахъ г-жа Савина вполне, вполне причино провала свою роль.

Распространенный усердно почитателями талантовъ заслуженнаго артиста Императорскихъ театровъ К. А. Варламовъ слухъ, будто онъ летаетъ по воздуху, вѣтъ живыхъ голубей и исполняетъ танецъ живота исключительно даромъ,— съ благодотворительною цѣлью, не вѣреть. За свои поряднне полеты г. Варламовъ получилъ 100 рублей.

Столько же получитъ и заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ В. Н. Давыдовъ за свой танецъ живота.

Въ наши дни заработать животомъ 100 рублей въ вечеръ это, чортъ возьми, не шутка!

Талантливая штука эти самые Варламовъ и Давыдовъ.

Всѣ проживаютъ животомъ.

А они наживаютъ.

Въ объявленіяхъ о сотовъ представленіи «Веселой Вдовы» значилось, что будутъ новые костюмы, парики и обувь. Новая обувь!—додумался же г. Брянскій до такой виртуозности въ рекламахъ.

Новая обувь!—Ну, какъ не посмотрѣть новыя подметки Полонскаго!

Новая обувь!

Про артистовъ нельзя сказать, что они не успѣли саюговъ сосозать...

Новая обувь!

Эхъ!.. Много ли такихъ редакторовъ газетъ найдется, которые съ гордостью при объявленіи подписки на новый годъ могутъ сказать:

— У насъ новая обувь!..

ТРЮ.

РАЗЪЯСНЕНІЕ КЪ РАЗЪЯСНЕНІЮ РАЗЪЯСНЕНІЯ.

Правительствующій сенатъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ «разъясненій» дѣйствующаго законодательства о выборахъ въ государственную думу, призналъ, что подъ квартирой, дающей квартирохозяевамъ избирательный цензъ, надлежитъ понимать жилое помѣщеніе, снабженное отдѣльною кухонною печью.

Полиція разъяснила это разъясненіе въ томъ смыслѣ, что квартира считается квартирой только тогда, когда въ ней находится кухонная печь.

А такъ какъ въ большинствѣ современныхъ квартиръ русская печь замѣнена плитою, то...

Выводъ ясенъ: граждане, у кого въ квартирѣ плита, вычеркиваются изъ избирательныхъ списковъ.

Такое разъясненіе полиціи пришлось не по вкусу даже заправившему истинно русскимъ организациямъ.

Вѣдь, и у нихъ въ квартирахъ оказались нѣмецкія плиты.

Теперь союзъ русскихъ людей по слухамъ намѣревается издать свое разъясненіе къ разъясненію сената.

Ценомъ думаетъ признать не печь, а удобства.

У кого въ квартирѣ удобства Лидваля, тотъ и избиратель.

Такимъ разъясненіемъ будетъ убито два зайца.

Съ одной стороны антиливаллисты на выборахъ будутъ послрамлены.

Съ другой—поощреніе отечественной промышленности.

СЫЩИКОВЫ ИМЕНИНЫ.
ПОЧТИ СВЯТОЧНЫЙ РАЗКАЗЪ.

Был Сыщик именинник. И собралось у него гостей видимо не видимо: сыщики, городовые, провокаторы, жандармы, три казака, два хоругвеносца, наборщик из «Новаго Времени», репортер изъ «Свѣта», два охранника, товарищ прокурора, цензоръ, приставъ, старшихъ дворниковъ видимо не видимо.

Было просто ужасъ какъ весело. Анекдотами такъ и кишѣлъ вокругъ воздухъ.

Хозяинъ-именинникъ до того разблудушевствовалъ, что всѣмъ присутствующимъ «по секрету» разказалъ, благодаря какому ловкому маневру онъ занялъ свой послѣдній постъ.

— На моемъ мѣстѣ извѣстный Жигановскій сидѣлъ. Ловкій былъ, стеревецъ. Эти разини Леокии-Польекоки заграничные ему въ подметки не годятся. Только до того онъ себя сталъ дерзостично вести, что даже само начальство его начало бояться. Прихожу я къ Ивану Ивановичу, прошусь на службу. Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: «Если уберешь отъ насъ безъ скандала Жигановскаго, такъ даю тебѣ честное слово чиновника Охраннаго Отдѣленія, займешь его постъ». Ну-съ, а я въ тѣ поры выводокъ молодыхъ крамольниковъ одинъ выслѣдилъ, стойку дѣлалъ. Дай, думаю, попытаю, можетъ Господь Богъ помочь. Прикинулся я самъ крамольникомъ, сталъ съ ними вмѣстѣ на эсеровскомъ току токовать, да какъ-то имъ и говорю: «Товарищи, а вѣдь, насъ выслѣдили и не сегодня—завтра накроютъ». Взбаламутилась молодежь:—«Какъ? Кто? Когда? Что дѣлать?»—«Да выслѣдилъ насъ сукинъ сынъ Жигановскій и должны мы его немедленно убить». Бросили между собой жребій. На студента жребій выпалъ. А черезъ сутки въ газетахъ было напечатано, что «отъ руки злоумышленника палъ чиновникъ сыснкого отдѣленія Жигановскій. Злоумышленникъ скрылся». А черезъ два дня въ газетахъ другая замѣтка появилась: «Чинамъ охраннаго отдѣленія удалось разыскать убійцу Жигановскаго. Выбѣстъ съ тѣмъ обнаружена конспиративная квартира и арестовано двадцать три человека и т. д.» Нечего и говорить, что это было ужъ моихъ рукъ дѣло... Такъ съ тѣхъ паря я и пошелъ въ гору!

Всѣ аплодировали. Пили за здоровье именинника.

Приставъ съ товарищемъ прокурора на брудершафтъ пилъ и разказывалъ, какъ онъ собственноручно курсисточекъ обыскивалъ и гдѣ у нихъ «у канашекъ такую нелегалдинку открывалъ, такую нелегалдинку, что просто въ глазахъ рябило...»

— А по сему выпьемъ рябиновой, чтобы не рябило,—остриль товарищъ прокурора.

Но душою общества былъ провокаторъ.

Онъ только что уговорился съ этимъ приставомъ за красненькую завтра выстрѣлить въ него изъ револьвера, заряженного хлопковой.

— Вамъ—повышеніе, а мнѣ—тоже на руку. Если Богъ поможетъ, можно хорошенкій погромчикъ совершить.

Провокаторъ предвкушалъ ужъ красненькую и былъ веселъ до безконечности.

Тостами такъ и сыпалъ. А подъ конецъ ужина разыпсался цѣлою рѣчью:

— Господа! Насъ укоряютъ въ бездушіи! Про полицію говорятъ, что для нея нѣтъ ничего святого! Сегодняшній день блестяще это опровергаетъ: не дружною ли семьею чтимъ мы сегодня, въ день тезоименитства достоуважаемаго Тихона Ивановича, память святого Тихона Задонскаго! Не съ тоста ли за здравіе преосвященнаго начался нами сегодня пиршественный столъ! Наконецъ не преблагими ли представителями преславнаго Общества Хоругвеносцевъ украшена наша компанія! И такъ, для нашего сердца есть кое что святое. Равнымъ образомъ я хочу разсѣять и басню о нашемъ бездушіи, безсердечіи. Я хочу предложить тостъ за здоровье того, о комъ мы всѣ, не къ стыду нашему будъ сказано, позабыли. О томъ, о комъ мы должны вѣчно помнить и неустанно говорить. О томъ, чьимъ трудомъ мы кормимся! О томъ, ради кого мы существуемъ! О томъ, кто страдаетъ, чтобы мы пировали... Словомъ, о всероссійскомъ крамольникѣ. (Голоса правой «браво», голоса слѣва: «Это провокація!») Да-съ, господа! Представьте себѣ, что въ одинъ прекрасный день крамольники споворятъ почитать отъ своихъ дѣль... словомъ, забастуютъ. (Голосъ товарища прокурора: «Тогда мы ихъ отгладимъ подъ судъ, какъ забастовщиковъ!») Представьте себѣ, что они перестанутъ распространять прокламации, устраивать сходки и митинги, кричать «долой!», выкидывать красные флаги, открывать столовую для голодающихъ, помогать безработнымъ, снимать конспиративныя квартиры, хранить нелегалдинку, требовать амнистіи и отлѣты смертной казни, словомъ, совершать тысячу такихъ вещей, которыя по нашему мнѣнію крамольникамъ совершать полагается. (Голоса изъ жандармовъ: «А вы-то на что!») Предположимъ наконецъ, что крамольники сообразятъ всю безмысленность своего теперешняго поведения, когда имъ приходится за какія нибудь 35—60 рублей въ мѣсяцъ и занимать штатное мѣсто гдѣ-нибудь на телеграфѣ, на почтѣ, на желѣзной дорогѣ, на педагогическомъ поприщѣ, въ земствѣ, въ статистикѣ и въ прочихъ очагахъ революціи, и всѣ свои свободныя минуты безвозмездно употребляютъ на чтеніе платформъ, составленіе резолюцій, сидѣніе въ тюрьмѣ и т. д., и т. д.

Представьте себѣ, что у крамольника въ одинъ прекрасный день открываются глаза и онъ скажетъ себѣ: «Съ какой стати я буду за 35 рублей тянуть телеграфную ляжку и дрожать за свою шкуру, когда я могу пойти въ старшіе дворники, въ городовые, въ провокаторы, въ хоругвеносцы и получать не 35, а 135 рублей?» Да-съ, въ одинъ день соберутся крамольники у вратъ сыснкого отдѣленія и предложатъ охранѣ свои услуги. (Голоса: «А мы ихъ тутъ же накроемъ, да по тюрьмамъ!»—«Какъ гапоновцевъ! Заломъ встрѣтимъ!») А вы знаете, господа, какъ наше высшее начальство на расказавшихся крамольниковъ смотритъ,—имъ всегда почетъ и уваженіе!.. (Голоса: «Дѣйствія скопомъ не одобряютъ!») Ну-съ, а вдругъ да такое дѣйствіе скопомъ одобрятъ!.. Не будеть тогда крамольниковъ! Будуть одни сыщики! Милліонъ двѣсти тысячъ сыщиковъ!.. Что мы тогда будемъ дѣлать! Кого обыскивать! За кѣмъ гласно и негласно слѣдить! Кого арестовать! Что

чей. Особенно оживились сыщики. Словно крестьяне, когда заговорятъ объ аграрномъ вопросѣ.

Одинъ сыщикъ жаловался на то, что и теперь уже его эсдеки сильно подкузьмили:

— Вѣдь, мы, сыщики, какъ и крамольники, по специальностямъ различаемся. Есть сыщики—эсъ-эры, специальность которыхъ крамольники эсъ-эры, есть сыщики эсдеки. Сыщики эсдеки въ свою очередь дѣлятся на большевиковъ и меньшевиковъ, на твердыхъ и мягкихъ... Я, напримеръ, мягкій меньшевикъ... А вонъ Арбузовъ—твердый большевикъ! Ну-съ, и вдругъ представте себѣ, какой бы для меня конфузъ вышелъ! Крамольники эсдеки чуть-чуть было не слились!.. Каково мое положеніе? Хуже думы государственной!..

Голоса все росли, росли.

— Качать крамольника!

— Какъ жаль, что Тихонъ Ивановичъ не пригласилъ на именины ни одного крамольника!

— Телеграмму послать въ «Кресты»: «пьемъ за здоровье крамольниковъ!»

Господа подглаголивай!

Всероссійскому крамольнику, слава!
Слава!
Чтобъ его прокламации не залеживались, слава!
Слава!
Чтобъ его перья не притупливались, слава!
Слава!
Чтобъ его...

А Тихонъ Ивановичъ тѣмъ временемъ отозвалъ съ сторону двухъ городовыхъ и что-то имъ шепнуть. Тѣ моментально исчезли.

Потомъ именинникъ сдѣлалъ знакъ гармонистамъ. Тѣ почтительно нагнулись, онъ и имъ тоже что-то шепнуть.

Видимо, хозяинъ готовилъ сюрпризъ. И дѣйствительно, черезъ какихъ-нибудь двадцать минутъ раздался рѣзкій звонокъ въ прихожей.

Хозяинъ далъ знакъ лакею и музыкантамъ. Лакей подалъ шампанское, а гармонисты грянули... марсельезу.

Всѣ ахнули отъ изумленія, когда на

конфисковать! Кого въ тюрьму сажать! Кого насиловать! Кого пытать! Кого вѣшати! (Голоса: «Да, веревки подешевѣютъ!») Словомъ, на кой чортъ тогда будеть нужны мы всѣмъ! Развѣ насъ не прогонятъ тогда въ шею!.. Чѣмъ мы тогда кормиться будемъ!.. Ужъ не крамольниками же намъ сдѣлаться! Мы не такъ воспитаны, чтобы заниматься крамолой! (Голоса: «Благодаримъ покорно!») Всѣхъ, господа, насъ кормить, поить, одѣвать, обувать крамольники! За незывлемость русскаго крамольника! Да здравствуетъ русскій Крамольникъ!

Оплушительные аплодисменты и крики «браво» закрыли звонъ стакановъ и рюмокъ.

Вспыхнулъ огонь перекрестныхъ рѣ-

порогъ появился ведомый двумя городовыми... Крамольникъ.

А именинникъ, весь сияющій отъ удачной выдумки, съ двумя бокалами шампанскаго въ рукахъ, бросился къ нему навстрѣчу:— А ты не бойся, не бойся!.. На вотъ шампанскаго... Дома-то, чай, чай холодный лакаешь!.. Пей за мое здоровье и чувствуй, что и у нашего брата тоже душа есть!.. Чувствуй, прракаля!.. Дай я тебя поцѣлюю!..

Онъ подлѣвъ цѣловаться къ Крамольнику.

Вдругъ словно молнія озарила всѣхъ. Всѣ вздрогнули и зажмурили глаза.

А когда глаза открылись, представилось чудное зрѣлище. Крамольникъ словно выросъ, словно облака вокругъ него,

дычка какая-то, а его голос, как гром раздался:

— Что это значит! Меня разбудили в три часа ночи! Произвели обыск! Арестовали! Привели сюда и здесь издеваются надо мной! Это провокация! Это свинство!.. Плевать я хочу на ваше веселье!.. Ведите меня в тюрьму!

Эффект был неожиданный. Хозяин сначала опьшил и застыл сь протянутыми бокалами в руках.

Музыканты какь-то недоумьбно пидикали марсельезу, словно поддразнивая его.

А очнувшись, именник обвель вокруг озлобленными глазами и пьянымь посоловьшимь голосомь гаркнул:

— Ага! Ты разговаривать!.. Вь тюрьму его!..

Потомь обернулся кь музыкантамь: — А вы что это за паскуду играете! Какь вы свьбете!.. И ихь вь тюрьму!..

Крамольникь и музыканты скрылись. Гости стали занимать свои мьста, сь которыхь повьскакали при появлени крамольника. И туть вдругь спохватились:

— Куда же Ивань Иваныч дьвался!

И точно, мьсто провокатора пустое осталось. Ни шутокь его, ни тостовь не стало. Слово вь воду канул.

Поняли гости, что это не кь добру...

— И молонья туть не кь добру была. И не кь добру Ивань Иваныч скрылся. Безпремьбно онь намь напакостить, говорили старше дворники.

И вино не пьется, и пьсни не поются. Разошлись гости, а на душь какая-то пакость, тяжесть какая-то.

Потуру чуть свьтъ разбудили. Тихона Иваныча,— кь началству немедленно. Пришель—дрожить.

А дьствительный тайный охранникь

сидить злой презлой и таково ехидно спрашиваеть:

— Объясните, пожалуйста, на какомь такомь основани вы вчера Крамольнику триумфь устроили, и марсельезу играли, и шампанскимь его поили, и цьловаться кь нему льзали и славу ему пьбли, и рьчи вь честь него говорили.

Только что хотьль Тихонь Иваныч оть всего отречься, а дьствительный тайный охранникь поднесь ему фотографический снимокь:

SCHERZO.

Началь я *allegro*
И *crescendo* продолжалъ,
А она мнѣ *maestoso*:
— «Ахъ, отстаньте!.. Что присталь?»
Не смутился я конечно,
И *pianissimo* безпечно
Ту же пьсню продолжалъ.
Но лукавый разъ погугаль
И сфальшивилъ сильно я
Не стерпѣль все *ritenuto*
И прибавилъ вь пьсню огня
Надо было *ritozando*
Я же ей загпѣль *scherzando*
— «Мери, я люблю тебя!..»
И при этомь *con amore*
Я взглянулъ вь глаза ея...
Боже, что за глѣвъ во взорѣ!—
Сердце вздрогнуло мое
И заболѣло *agitato*
Вдругь она меня *staccato*
По щекѣ!..—«Вотъ вамъ за все!..»

ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКІЙ.

— Можетъ быть вамъ эта фотографія напоминит!

И туть Тихона Иваныча словно осьнило:

— Такъ, значит, это проклятый Провокаторъ всю нашу компанію вчера при вспьшкѣ магия снялъ вь то время, когда всь кь Крамольнику навстрьчу двинулись, а я слуду цьловаться льзъ... Пропали наши головушки!.. Предать насъ Ивань Иваныч! Предать и продать!.. И дьствительно, вся вчерашняя ком-

панія была немедленно уволена вь отставку безъ прошенія, мундира и пенсії: товарищ прокурора, и приставъ, и цензоръ, и хоругвеносцы, и смьшники, и наборщикъ изъ «Новаго Времени», и жандармы, и охранники.

Провокаторъ же получилъ повышение, да на оставшіся вакантными мьстечки своихь родственничковъ понасадилъ.

А Крамольникъ и гармонисты и по сіе время сидятъ вь тюрьмѣ и ждуть амнистии.

Н. ШЕБУЕВЪ.

НА ВЫСТАВКѢ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВЪ

Вь этомь году выставка союза художниковъ измьнила своему обыкновенію и не издала иллюстрированного каталога.

Желая восполнить этотъ пробьль, я поручилъ Н. В. Ремизову скопировать выдающіяся произведения нынѣшней выставки.

Помѣщая здьсь красную, слишкомь нынѣшней выставки. Экстра-гала—парфорсную мозаику Петровичева.

Воспоминаніе о ракетѣ Крымова.

Перепуантелистскій пейзажъ Переплетчикова.

Чувственную маюлку Сомова. И сверхчувственную скульптуру Судьбинина.

ПЕТРОВИЧЕВЪ.

Сомовъ.

КРЫМОВЪ.

МАЛАВИНЪ.

СУДЬБИНЪ.

ПЕРЕПЛЕТЧИКОВЪ

О П Ы Т Ь.

Один сотрудник нашей газеты проделал следующий опыт.

Он напечатал в одной из петербургских газет публикацию о том, что желал бы познакомиться с хорошенькой особой не старше 20 лет.

Как и следовало ожидать, на публикацию отозвались десятки голодных ртов.

Тут и институтки, и модистки, и артистки, и гимназистки, и просто барышни, и очаровательные блондинки, и жгучая брюнетка, и куклолки, и чертенки.

Все это в порядк вещей: ни для кого не новость, что предложения на рынк любви вдесятеро превысило спрос.

Как «человѣческие документы», эти письма имѣют конечно кое-какое значение.

Авторъ опыта и имѣлъ въ виду разработать и изучить ихъ съ этой точки зрѣнія.

Когда онъ это сдѣлаетъ, онъ напишетъ статью.

А пока онъ спѣшитъ передать мнѣ любопытнѣйшій документъ, полученный первымъ въ отвѣтъ на публикацию.

Это печатная прокламация.

Воспроизвожу ее цѣликомъ.

«Красота, Любовь и Деньги»

Поклонники женской и поклонницы мужской красоты и не жалующие на это дѣло денегъ, найдутъ у меня большій выборъ красавицъ и красавцевъ, а

также хотя и дорогого, но за то хорошаго посредника.

М. Г.!

Имѣю много подходящаго къ вашей публикации.

1. Мужья и женихи, жены и невесты желающие знать все другъ о другѣ, будутъ имѣть очень точныя свѣдѣнія при моемъ посредствѣ.

2. Мужчины и женщины, получившія письма на свои публикации въ газетахъ, будутъ имѣть точныя свѣдѣнія о написавшихъ лицахъ; а также веду переговоры, дѣлаю знакомства и устраиваю свиданія у себя всѣмъ безъ исключенія лицамъ, имѣю всегда комнаты для свиданій и приѣздовъ.

3. Имѣю большой выборъ женщинъ, желающихъ поступить по хозяйству къ одинокому.

4. Богатыя невесты найдутъ у меня богатыхъ жениховъ для законнаго брака.

5. Даю точныя свѣдѣнія о кредитоспособности частныхъ лицъ и торговыхъ фирмъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

6. Лица, желающія имѣть какой либо титулъ и не жалующіе на это денегъ, могутъ очень скоро купить его, а желающіе продать, такъ обязательно продадутъ.

7. Веду бракоразводныя и другія судебныя дѣла, а также имѣю лицъ, могущихъ быть полезными при свидѣтельскихъ и другихъ показаніяхъ.

8. Исполняю самъ заграничнымъ способомъ разныя порученія и имѣю лицъ для порученій, дѣйствующихъ согласно моихъ указаній.

9. Всегда есть свободныя комнаты для свиданій.

10. Покупаю, продаю недвижимости и исполняю разныя серьезныя порученія.

Нѣтъ такого порученія, котораго я бы не могъ исполнить.

Адресъ: Гусевъ пер., 8 кв. 5 П. М. Томилину. 10—12 у., 4—6 1/2 ч. дня. Телефонъ. 229—28.»

Трудно рѣшить, чему здѣсь слѣдуетъ больше удивляться.

Беззастѣнчиво-циничной ли откровенности, превосходящей сногшибательную откровенность Шедрина Очищеннаго.

Тому ли, что слишкомъ дальнзорокое, гдѣ не нужно, правительство является слишкомъ близорукимъ въ такихъ аферахъ, которыя даже въ Парижѣ встрѣтили бы энергичный отпоръ.

Тому ли, что дѣло купли-продажи титуловъ фактически перешло у насъ въ руки проходивцевъ самаго низшаго пошиба.

Выхлопотать титулъ г. Томилину такъ же легко, какъ устроить сводничество.

Тому ли, что бракоразводное дѣло у насъ такъ отвратительно поставлено, что лжесвидѣтеля легче купить, чѣмъ фунтъ малосольной севрюги.

Тому ли обстоятельству, что аферисты вродѣ Томилна дѣйствуютъ не только путемъ почты, телефона и телеграфа, но и путемъ печатнаго слова.

Вспомните, сколько разъ фамилія Томилна встрѣчалась вамъ въ объявленіяхъ «Новаго Времени» и «Петербургской Газеты».

Онъ то ищетъ 6 комнатъ, удобныхъ для дома свиданій.

То устраиваетъ браки.

То хлопочетъ о разводѣ.

То торгуетъ малосольнымъ и копченымъ развратомъ, какъ рыбакъ рыбой.

Очень интересенъ въ программѣ Томилна 10-ый пунктъ:

«Покупаю, продаю недвижимости и исполняю разныя серьезныя порученія».

Очевидно, добыть титулъ, устроить разводъ, свести лжесвидѣтелей, женить, дать точныя свѣдѣнія о кредитоспособности и т. д.,—это все дѣла «не серьезныя».

Что же Томилн считаетъ «серьезнымъ»?

Убийство? Разводъ? Подлогъ? Вооруженное возстаніе?

«Нѣтъ такого порученія, котораго я бы не могъ исполнить».

Спросите, читатель, Томилна по телефону, можетъ ли онъ доставить парочку наемныхъ убійцъ.

Навѣрное можетъ.

Потому что навѣрно у него есть въ нужномъ мѣстѣ рука.

Такую возмутительную аферу, о какой рекламируетъ Томилн, невозможно систематически продѣлывать, не имѣя заручки во власть имѣющемъ чиновничествѣ.

Кто изъ бюрократовъ протезируетъ Томилнымъ,—это необходимо разузнать.

И это будетъ разузнано нашимъ сотрудникомъ.

Я со своей стороны прошу господъ, потерпѣвшихъ отъ аферы Томилна и похожденъ д. с. с. Митусова, прислать мнѣ подробныя свѣдѣнія, не стѣнясь изложеніемъ.

Гарантирую полную тайну корреспонденту.

Я буду счастливъ, если д. с. с. Митусовъ подастъ на меня въ судъ.

Тогда откроется и освѣтится не только то, что у насъ напечатано, но и то, что хранится подъ спудомъ.

А есть очень и очень интересныя вещи, которыхъ даже самъ Томилнъ о Митусовѣ еще не знаетъ.

Н. ГЕОРГЬЕВИЧЪ.

СКАЗКА.

Плакалъ маленький шалунъ,
Сжавъ сердито кулачки:
— «Брось ты, дѣдушка—ворчунъ,
«Протирать свои очки!
«Ты задай загадочку.
«Расскажи мнѣ сказочку,
«Про старинку—старину,—
«Я подь сказочку усну!»
Старый дѣдушка—ворчунъ
Погрозилъ сердито пальцемъ,
Мигомъ спрятался шалунъ
Съ головою подь одѣльцемъ.

— «Сказку, дѣдушка родимый,
«Старый дѣдушка, любимый!
«Я свои закрою глазки,
«Буду слушать въ полуснѣ!
«Расскажи скорѣе сказки,
«Что рассказывалъ ты мнѣ!»
Шепчетъ тихо шалуниска...
Улыбнулся старый дѣдъ.

— «Такъ и быть, тебѣ, плутишка,
«Про дѣла минувшихъ лѣтъ

«Пѣсно-сказочку спою!
«Баю, баюшки—баю!»
Грустно дѣдушка вздохнулъ,
Рукавомъ слезу смахнулъ,
Сказкой внука занималъ,
Чтобы мальчишк задремалъ.

Съезжившись комочкомъ,
Не смыкая глазъ,
Въ страхѣ слушалъ внучекъ
Дѣдушкинъ разсказъ...
Онъ сжималъ сердито
Снова кулачки...
Дѣдъ поникъ главою,
Снявъ свои очки...

— « Это сказка, дѣдушка любимый!
«Какъ мнѣ страшно, дѣдушка родимый!

«Неужели братъ на брата
«Шель съ дубиной и мечемъ?
«Неужели на деревнѣ
«Сѣкли плеткой и бичемъ?
«Неужель дѣтей казнили?
«Заключали ихъ въ тюрьму?
«Да за что же, мой родимый,
«Убивали?! Не пойму!»

Не отвѣтилъ внуку
На вопросъ старикъ,
Головою только
Низе онъ поникъ...

— «Это сказка? Дѣдушка любимый,
«Какъ мнѣ страшно, дѣдушка родимый!
«Да отвѣть же мнѣ, ворчунъ!»
Теребилъ его шалунъ...

— «Да, малютка, это сказки!

«Закрывай спокойно глазки!»
Старый дѣдушка вздохнулъ,
Рукавомъ слезу смахнулъ!

В. ТРОФИМОВЪ.

СМЕРТЬ ПАРОДИИ.

Пародія умерла.
И случилось это такъ скоростижно,
что ее хорошенько и оплакать не успѣли.

Такъ и похоронили не оплаканную.
И рѣчей на похоронахъ не успѣли сказать.

А поговорить было о чемъ.
Начать съ того, что умерла она по-
длинительною смертью.

Жила себѣ всегда прекрасно.
Была веселой, остроумной, сильной,
жизнерадостной и жизнеспособной.

И вдругъ—ни съ того, ни съ сего приказала долго жить и какъ разъ въ то время, когда мнѣ лично ея присутствіе казалось такимъ необходимымъ.

Умерла послѣ постановки «Балаганчики», отъ разрыва сердца.
Между тѣмъ именно на театр Комми-саржевской такъ отраднo было писать пародію.

Но не одинъ Блокъ,—Сергѣй Городецкій, Вячеславъ Ивановъ, Кузьминъ етс. остались у меня безъ пародій.

А было время, когда я не пропускалъ ни одного замѣтнаго имени.

Особенно я любилъ пародировать Балмонта и Лохвицкую.

Съ первымъ у меня даже такое недоразумѣніе вышло.

Напечаталъ я въ газетѣ стихотвореніе «Мое призваніе».

Я попалъ въ страну, гдѣ горе пропитало весь скестъ.

И грожу, брожу печальный средь невѣдомыхъ мнѣ мѣстъ:
Всюду горы, всюду скалы, всюду сумракъ, всюду дѣсь...

Я иду, а сѣть деревьевъ заслоняетъ глубь неясъ...
Тихій вѣтеръ, словно клейстеръ, и прилипчивъ, и тягучъ—
Несподобнаго изыгрыша разорвать не можетъ тучь...

Я помочъ ему не въ силахъ, хоть и дуо силно я,

Но предъ силами вселенной такъ безсилна грудь моя...

Я брожу, брожу и дуо, напругаясь тамъ и тутъ,

Пусть меня за то безумцемъ, пусть яреномъ назовутъ—
Пусть смѣяться надо мною будетъ всякъ изъ за куста,

Пусть ехидно скажутъ: «дуетъ,—значитъ, голова пуста!»

Презираю тѣхъ, кто скажетъ: «Вѣдь никто изъ нихъ не жилъ,
Вѣдь никто изъ нихъ усилъ къ силѣ силь не приложилъ,

Въ этомъ жизни смыслъ: усилье силѣ неба вспомощь,
Вотъ и я стараюсь—дуо утро, вечеръ, день и ночь...

Но дутья во вѣкъ не брошу: въ немъ—признание, въ немъ—мой крестъ!»

Я попалъ въ страну, гдѣ горе пропитало весь окрестъ...

Бальмонтъ принялъ эту пародію за свои собственные стихи.

Пришелъ въ редакцію за гонораромъ,
Когда ему редакторъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, онъ очень изумился.

Гонорара не взыскъ.

Еще большая катавасія вышла съ пародіей на Мирру Лохвицкую.

Талантливая, увы, покойная, поэтеса, узнавъ, что въ публикѣ ей приписываютъ мое стихотвореніе «Подцѣлуй меня», напечатала въ «Новомъ Времени» письмо, въ которомъ категорически заявила, что она жертва мистификаціи.

Между тѣмъ это была не мистификація, а пародія.

Подцѣлуй меня, надцѣлуй меня, Исцѣлуй меня, процѣлуй насковозъ,
Дай восторгъ ночью, дай истому дня,
А потомъ налей, надувай, брось...

То, чего хотѣлъ, ты нашель, достигъ! Побѣдилъ меня твой безумный взоръ,
И за мигъ одинъ, за единый мигъ я прошу тебѣ свой позоръ...

Подцѣлуй меня, зацѣлуй меня, Подцѣлуй меня по любовнымъ ранъ...
Я томлюсь горю, я полна огнъ!
Въ головѣ туманъ и въ груди туманъ...

Любилъ я пародировать и прозу.
Помню, любимымъ авторомъ у меня былъ Нище.

Напримѣръ: «Объ печаткахъ».
Въ блестящъ радостнаго дня и въ тишинѣ задумчивой ночи рождается вы, незаконный дѣти корректора.

О СТЫДЛИВОСТИ.

Новелла первая:
ДВѢ СТАТУИ.

Скульпторъ Лорансъ былъ молодъ и страстенъ. Кромѣ того, онъ любилъ красоту во всёхъ ея проявленіяхъ, и больше всего—въ женщинѣ.

Гдѣ-то онъ видѣлъ картину, на которой была изображена Венера—изыщная, граціозная, фарфоровой прозрачности женская фигурка, плывущая, стоя, на раковинѣ къ утесистому берегу, гдѣ съ цвѣтами въ рукахъ встрѣчаютъ ее удивленные и восхищенные жрицы ея храма. Она видна только сзади, но, Боже, что это за плечи! что это за спина!.. Ему казалось, что такая красота немислима, невозможна, что это—мечта художника, которая осуждена навсегда остаться только мечтой. Нужно отъ десятка миллионовъ женщинъ, взять лучшую частію тѣла каждой, и только тогда, можетъ быть, удастся составить нѣчто подобное этой Венерѣ!..

И однако скульпторъ нашелъ ея двойникъ! Онъ узналъ его въ Сельмѣ Де-сантъ среди тысячъ женщинъ родного города, несмотря на облекание ея платье, несмотря на то, что никогда не видѣлъ ее нагой. Онъ полюбилъ эту дѣвушку, у которой, подъ легкими складками лѣтней одежды, угадывались нѣжныя въ мирѣ тѣло, прекраснѣйшія въ мирѣ линіи и формы. Все въ ней приводило его въ восторгъ, и больше всего—ея стыдливость, непрерывный трепетъ невинности передъ возможностью чернобылудею неожиданнаго, нескромнаго прикосновения. Придя въ первый разъ въ его мастерскую, Сельма тотчасъ же выбѣжала изъ нея, увидавъ мраморную голыя тѣла мужчинъ и женщинъ. И чтобы не лишиться радости ея пощипеній, Лорансъ долженъ былъ передъ ея приходомъ закрывать коврами все свои статуи..

Онъ прозрѣвалъ ея тѣло сквозь платье, которое словно спало подъ его взглядомъ, открывая ея наготу. И въ своихъ грезахъ о ней онъ видѣлъ ее

только нагой. Этого было вполне достаточно для него, что бы онъ изваялъ ее изъ мрамора во всей красотѣ ея молодости и нѣжности. Для этой работы онъ совершенно не нуждался въ натурѣ. Каждая линія, каждая самая ничтожная выпуклость или впадинка тѣла Сельмы рисовались въ его воображеніи такъ опредѣленно и ярко, какъ это никогда не случалось съ нимъ даже при самомъ тщательномъ изученіи натуры. Въ этомъ сказалось настоящее чудо любви и вдохновения!..

Но Сельма увидѣла эту статую и сгорѣла со стыда. Какой ужас! Онъ касался своими руками ея плечи, руки, груди, ногъ, всего тѣла! Онъ всегда видѣлъ ее только нагой, мысленно раздѣлывалъ ее и безцеремонно изучалъ всѣ члены ея тѣла, не спрашивая ея разрѣшенія, не считаясь съ ея женской и, главное—дѣвической стыдливостью!.. Она никогда не проститъ ему этого!..

— Не смотрите на меня больше!—гнѣвно сказала она, тонувъ ножкой, и ушла, ежась подъ его взглядомъ, словно она была раздѣта и чувствовала на своемъ голыи тѣлѣ его горячіе взгляды!..

Лорансъ былъ очень огорченъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. «У нея нѣтъ сердца!»—подумалъ онъ о дѣвушкѣ, которая не видѣла, съ какой нѣжной любовью было изваяно имъ ея тѣло и обратила вниманіе только на то, что онъ не пощадилъ ея стыдливости!..

Но скоро онъ снова вспрыгнулъ духомъ и принялся за новую работу. «Я долженъ ей показать, что ея стыдливость ложна. Я люблю ея прекрасную душу, но не меньше люблю и ея прекрасное тѣло, облекающее эту душу. Люблю ея руки, плечи, грудь, все тѣло такой большой и такой нѣжной любовью, которая не должна вызывать въ Сельмѣ стыда, если только она любитъ меня!..»

И онъ въ большой глыбѣ розоваго мрамора сдѣлалъ углубленіе, въ которомъ пріотиснились мужчина и женщина—онъ и Сельма, оба нагие, сильно сплетая руками и ногами въ безумномъ

порывѣ—слиться другъ съ другомъ и душой и тѣломъ. Онъ обнялъ ея тѣло, прижалъ ея грудь къ своей груди и впилился губами въ ея губы, а она, съ запрокинутой головой, вся отдалась его ласкамъ, сжимая нѣжными колышками его мускулистое колено!..

Окончивъ эту группу, онъ написалъ Сельмѣ письмо, въ которомъ умолялъ ее прити къ нему и посмотреть нѣчто такое, что окончателно убѣдитъ ее въ его самой искренней, самой глубокой любви къ ней. Сельма, какъ и всѣ женщины, была любопытна. Ей хотѣлось посмотреть, что ея сдѣлалъ этотъ безумецъ Лорансъ, чтобы покорить ея сердце. И она пришла!..

Онъ устроилъ такъ, что дѣвушка разсмотрѣла его новое произведеніе въ его отсутствіи. Онъ стоялъ за ширмой и въ маленькое отверстіе наблюдалъ за ней.

При первомъ взглядѣ на статую Сельма покраснѣла и отвернулась. Но тотчасъ же стыдъ и негодованіе смѣнились любовитствомъ. Она осмотрѣлась — не видѣть ли ея кто-нибудь, прислушалась и, убѣдившись, что въ мастерской, кромѣ нея, никого нѣтъ, подошла ближе и впилилась глазами въ статую.

Ея лицо стало некрсивымъ, хищнымъ; тайное чувство, возобновившее ея грудь, изказило его такъ, что скульпторъ не узналъ своей любимой Сельмы. Низменный инстинктъ, тщательно скрываемый подъ маской стыдливости, теперь явно рвался наружу въ каждомъ движеніи тѣла, въ каждомъ взглядѣ!..

Она не удовлетворилась однимъ созерцаніемъ и стала руками ошупывать мраморныя тѣла. Ей нужно было пальцами ощутить ихъ слышавшія въ поцѣлѣхъ губы, прижавшіяся одна къ другой груди. Она водила руками по мрамору, содрогаясь отъ охватившей ея тѣло страсти, и изнемогая, упала, наконецъ, на колѣни, обхвативъ руками каменнаго мужчину и стараясь плечемъ оттолкнуть, оторвать отъ него свою соперницу — каменную женщину!..

Лорансъ былъ пораженъ. Какъ! Она

утратила чувство стыдливости, но не изъ любви къ нему, а изъ неудержимаго стремленія долго сдерживаемой и теперь прорвавшейся всѣ плотины чувственности! Развѣ не ясно, что ей, въ эту минуту, все равно—Лорансъ ливъ этому мраморѣ, или другой мужчине? Передъ ней нагое мускуое тѣло, и она можетъ отдаваться чувственнымъ радостямъ, потому что ея никто не видитъ!..

«Вотъ онъ—чистая, стыдливая дѣвушка!»—думалъ скульпторъ, сжимая кулаки. Онъ не могъ больше сдерживать себя и, со злостью толкнувъ ширму, вышелъ и горько захохоталъ. Сельма отшатнулась отъ статуи и стыдливо потупила глаза. Но тотчасъ же подняла ихъ и уже съ новымъ выраженіемъ, котораго онъ прежде не видѣлъ у нея, посмотрѣла на него. Это былъ взглядъ еще не остывшей чувственности, которая бурно поднимала ея грудь. Теперь Лорансъ, въ свою очередь, почувствовалъ, что она взглядомъ раздѣваетъ его!..

И уже безъ краски стыда, она подошла къ нему и обвила его шею руками, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Я вижу,—шептала она прерывающимся отъ страсти голосомъ,—какъ сильно вы... любите... я... ваша!..

Но Лорансъ чувствовалъ только одну для свое лучшее произведеніе, въ которое онъ вложилъ все самое святое своей души и которое въ Сельмѣ пробудило только животную страсть.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ, отстраняя ее отъ себя,—я васъ не возмю; потому что вы—не любите меня. Сейчасъ во мнѣ вы видите только мужчину, и будь на моемъ мѣстѣ другой—вы точно также захотѣли-бы принадлежать ему. Я видѣлъ все, и если предъудить статуей я будто бы оскорбилъ вашу стыдливость, то теперь вы—оскорбили мою любовь!.. Съ этими словами онъ взялъ молотъ и раздробилъ обманувшую его надежды статую на мелкіе куски!..

Январь 1907 г.

ВЛ. ЛЕНСКИИ.

При свѣжьемъ дыханіи утренняго вѣтерка и при таинственномъ шестелѣ вечернихъ листовъ газетъ является въ мірѣ, нежданная, непрощенная.

Не на радость себѣ и другимъ появляетесь вы, безобразная, хилая, уродливая существа: нигдѣ не встрѣтите вамъ ни сочувствія, ни участія, ни ласки, ни любви, которыя превращаютъ желчь въ медъ!..

Гдѣ ваша мать? Ваша мать, еще нося васъ въ утробѣ своей, уже краснѣла за васъ.

Гдѣ вашъ отецъ? Вашъ отецъ отрѣкается отъ васъ и говоритъ: «я бездѣтенъ, а это младенцы, подкинутые мнѣ надорваннымъ!»

Жалка судьба тѣхъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ завертываютъ въ тряпицы, а потомъ подкидываютъ въ баняхъ, на площадяхъ, на улицахъ или на ступеняхъ роскошныхъ парадныхъ подъѣздовъ!..

Я знаю, кто живетъ тамъ за этими окнами; уста ихъ говорятъ: «у насъ есть душа», а дѣла ихъ кричатъ: «ваше тѣло съшло вашу душу!»

Я знаю, кто живетъ тамъ, въ пятиэтажномъ домѣ, на крыльцо котораго подкинутъ маленькій человѣчекъ, завернутый въ грязныя тряпицы.

Тѣлые глаза человѣчка дрожатъ и отъ холода красное,—краснѣе щеки матери, подкинувшей его.

Бѣдная мать, какъ она любитъ свое подкинутое дитя, и какія чистыя слезы проливать на ея рѣсничкахъ.

Краска стыда заливаетъ лицо ея. Жалка судьба этихъ несчастныхъ, говорилъ Заратустра, потому что ихъ крикъ не тронетъ сердца тѣхъ, кому они подкинуты.

Но еще болѣе жалка судьба опечаленныхъ дѣтей корректора.

О, корректора! О, безсердечнѣйшіе изъ людей! ваши руки не знаютъ того зла, которое они дѣлаютъ; ваши уши не слышатъ тѣхъ проклятій, которыя посылаются по вашему адресу; ваши очи не видятъ того горя, которое рождено вами.

Небрежность—отвратительное животное, на мохнатой шкурѣ котораго, какъ паразиты, кишатъ злокачественныя опечатки.

И вы содрали, о корректора, шкуру съ этого животнаго и натянули на себя и прикрываетесь ею и не замѣчаете, что на ней ползаютъ насѣкомыя съ крохотоватыми лапами.

И куда не пойдете вы, въ рюнеете этихъ насѣкомыхъ, и они располагаются въ разныя стороны, всюду принося боль, зудъ и неприятность.

Заползутъ ли они въ ароматное стихотвореніе тонкоруннаго поэта (о, поэтъ! ваша сила въ волосахъ, какъ у Сампсона)—перестанутъ вить ея шелковистые локоны.

Заползутъ ли они въ романъ преждевременно потерявшего волосы беллетриста (о, тяжелая думя! въ глотаете, подтачиваете корни волосъ)—холоднымъ потомъ покрывается его блестящая лысина.

И всюду, куда они заползаютъ, они жадно пожираютъ смыслъ, они поглощаютъ свѣтъ и порождаютъ тьму.

Потому, что они дѣти тьмы и во тьму обращаются, такъ говорилъ Заратустра: «тьма есть источникъ всего злого».

И они ищутъ себѣ пріюта, о, безобразные паразиты, рожденные неярливыми корректора, и отовсюду ихъ изгоняютъ.

Но не изгнать ихъ совѣмъ: они назойливые мошки, которая въ знойный июньскій день облѣпляютъ потное лицо юнаго мечтателя, забывшагося въ тѣни сикомора.

Изъ маленькаго зерна вырастаютъ громадные горчичныя деревья, тѣнь отъ которыхъ покрываетъ собою далеко вокругъ землю.

Еще изъ меньшей опечатки порой вырастаютъ деревья, которая бросаютъ тѣнь и на автора, и на корректора, и на печатное сочиненіе, въ которомъ пріотиснились она.

Имена этимъ деревьямъ—Ложь, Глупость, Недоразумѣніе, Слѣпота.

Листья этихъ деревьевъ остаются зелеными всю зиму, и всю зиму и лѣто делятъ они обильные плоды.

Но эти плоды горьки, еще болѣе горьки чѣмъ семена горчичнаго дерева.

Такъ говорилъ Заратустра объ опечаткахъ.

Я любилъ пародіи и онѣ мнѣ всегда легко давались.

А сегодня вотъ я сѣлъ за письменный столъ, чтобы написать пародію на «Балаганчикъ» и... не могу, ей Богу не могу.

Чувствую какую-то пустоту. Сначала я не могъ ничего понять. А потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло. Пародія умерла.

Ее убили Блокъ, Вячеславъ Ивановъ, Городецкій, Кузьминъ и другіе авторы, которые сами на себя пишутъ пародію.

Да, сами себя пародируютъ. Написать пародію на «Балаганчикъ» уже потому невозможно, что это уже пародія на творчество Блока.

А постановка его—уже пародія на постановку Мейерхольда.

Попробуйте пародировать вотъ такую штуку:

Я подъ солнцемъ безпечальнымъ
Вѣроу свѣтамъ изначальнымъ,
Изваяемымъ во тьму.

Сумракъ—женское начало,
Сумракъ—вѣчное начало,
Вѣроу свѣту и ему.

Свѣтъ отъ свѣта оторвется,
Въ нѣдра темныя пролетѣтъ.
И прорубится яйцо.

Хвостъ вилку улыбнется,
И вселенной сопрутнется
Новозданное лицо.

Человѣкъ или планета
Проведетъ земныя лѣта,
И опять спадетъ лицо.

И вселенной улыбнется
И надъ хаосомъ сомкнется
Возращенное кольцо.

А между тѣмъ это—символь яри... радон, символъ вѣры Сергѣя Городецкаго.

Пусть тьма уростомъ изойдетъ
Въ просторы эли!
Безъ звуковъ, свѣтовъ и цѣтовъ.

Отду да будетъ чадо:
Горѣлыхъ кубовъ и шаровъ
Шальное стадо.

Развѣ это не пародія на «декадентство»?

Развѣ не автопародія весь «Чертяка».

Неаглядный мой, пріятный,
Очень миленькій, занятный,
Гдѣ ты вылачелъ рога?

До утра не расставайся,
Янымъ небомъ любовалась
На востокъ и на закатъ!

Поутру мутится рѣчка,
Настежь хриплое колечко,
У пола въ изѣбъ набѣтъ.

Я отцу трезвону въ ухо:
Осрамила потаскуха,
Дочки глупой не жалѣй.

Прогони жену за двери,
Такъ блудитъ шальные звѣри,
Ты вѣвъ Божій жерѣй.

Петемьнѣло, помутилось,
Мое сердце насладилось:
Къ дѣтямъ ласковы отцы.

Вотъ ужъ автра подъ осиной
Буду въ радости осиной
Цѣловать ея рубцы.

А между тѣмъ «Чертяка» — самое талантливое произведеніе Городецкаго.

Яри мѣнь, назаривай,
Ярила яри, яркою
Наяривай—нашаривай,
Ярило, томой жаркою!

Подъяривай подкладывай!
Подъяривай, угадывай!
И въ ухо ты, и въ рыло
Яри мѣнь, Ярила!..

Но дулетъ.
Отъ самопародіи Городецкаго перейду къ «Эросу» Вячеслава Иванова.

Если въ «Яри» и встрѣчаются на ряду съ автопародіями самородки въ которыхъ чувствуется золото, то у орлста Иванова нѣтъ и того.

Это сплошное пыжанье.
Пижкится приватѣ доцентъ который
начитался классическихъ поэтовъ, напечатанными собственными именами и собственными только что сфабрикованными словами свои вирши.

Лутые веселія!
Бронзовые стихи!
Приватѣ—доцентъ Ивановъ, о которомъ прокричали, что онъ поэтъ не потому что онъ написалъ, а по тому, что онъ напишетъ!..

И вотъ онъ пишетъ, все пишетъ.
Создастъ слова, потому что нѣтъ таланта создать образы.

Умерла пародія.
Возьмите любой сборникъ музы—скопсѣлки.

На ряду съ пятью-шестью талантливыми круциами, вы всегда найдете десятокъ разноразнобразныхъ пародій на эти самыя круциамы.

КВАРТИРОЛОГИЯ.

Практическая и теоретическая указания, как устроиться дешево, но мило.

Человеческое, слыш-комъ человеческое...

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Случай съ холостякомъ.

Въ своихъ лекціяхъ, я держу рѣчь только къ женатымъ квартироохотникамъ.

Холостому человѣку рай въ шалашѣ... Онъ смотритъ на мѣръ холостыми глазами и доволенъ всякой квартирой. Въ особенности, если у хозяйки недуренькая дочь, если vis-à-vis помѣщается бѣловшейная мастерская.

Нѣтъ, холостыхъ не слѣдуетъ учить квартирологіи. Они и безъ нея уже счастливы. Счастливы, что холосты, что ихъ сердце не спеленато и не пересыпано мукой Нестле или еще тамъ какихъ-нибудь рекламистовъ...

Впрочемъ, для нихъ будетъ вѣроятно не безполезна прослушать разсказъ о несправедливой исторіи, въ которую попалъ въ прошломъ году мой пріятель.

Входитъ онъ на Разъѣзжей въ какую-то квартиру и видитъ, что ее осматриваетъ какая-то дама.

— Чертъ возьми! Неужели опоздалъ! — подумалъ онъ.

— Опоздалъ! — прочелъ онъ въ глазахъ незнакомку, окинувшей его недружелюбнымъ взглядомъ.

— Слана?... съ замираемъ сердца спрашиваетъ онъ дворника.

— Почти, — сухо отрѣзываетъ дама, — по крайней мѣрѣ дворникъ занятъ мной!.. Я васъ прошу подождать.

— А она (т. е. дамочка, а не квартира) недурна!.. Свѣжа и молода, — мелькнуло у него въ головѣ.

Квартира оказалась слишкомъ дорогой и ему, и ей. Оба они вышли вмѣстѣ, не глядя другъ на друга.

На улицѣ оба повернули налѣво и участливо шага, направляясь къ билетку на воротахъ.

Отъ этого билетка, не отставая, нога въ ногу, перебѣжали они къ другому. Къ третьему. Къ четвертому.

Началась ира взапуски съ одной стороны улицы на другую.

— Вы преслѣдуете меня, милостивый государь... злобно прошипѣла невольная спутница пріятеля.

— Судариня! — пожалъ плечами тотъ, — мнѣ кажется какъ разъ прогнать... Мнѣ кажется, что вы преслѣдуете меня!..

— Нахаль!..

И они продолжали путешествовать.

Они поднимались по лѣстницамъ. Упускались въ дворнички. Нюхали квартирныя ароматы всѣхъ отѣнковъ. Въ тонъ другъ другу возмущались дороговизной, грязью помѣщений. Не отставали другъ отъ друга ни на шагъ, боясь упустить идеальную квартиру въ 4 комнаты съ кухней и теплыми удобствами...

Въ нѣкоторыхъ квартирахъ ихъ принимали за супружескую чету, тогда дамочка начинала возмущаться.

— Во первыхъ, я не дама, а барышня, а во вторыхъ, я не знаю, чего нужно этому господину, привязавшему ко мнѣ!..

— Мнѣ нужна квартира въ 4 комнаты съ кухней и теплыми удобствами! — Нахаль!

— Меня зовутъ Николаемъ Николаевичемъ. Впрочемъ, можете звать меня и нахаломъ. Въ устахъ хорошеющей барышни это слово не звучитъ обидно...

Она что-то прошипѣла, свернула глазами, и они снова тронулись въ путь.

Они подкрѣпились вмѣстѣ въ булочной Филиппова на углу Невскаго пирожками съ мясомъ и стаканомъ молока.

Они измучились невѣроятно и лишь въ половинѣ девятого, когда уже стемнѣло, прекратили охоту.

Не знаю, лобопитство или лобознательность заставили пріятеля прослѣдить, гдѣ живетъ знакомая незнакомка.

На слѣдующій день онъ съ девяти часовъ уже началъ караулить у воротъ того дома и выкараулил свою незнакомку.

Она улыбнулась, встрѣтивъ его взоръ, и въ этой улыбкѣ не было и тѣни недружелюбности.

Она улыбнулась и еще одинъ разъ, когда онъ пропустилъ ее впередъ на лѣстницѣ перваго же дома, который они обследовали въ квартирномъ отношеніи.

Она улыбнулась еще разъ, когда... Словомъ, пріятель женился на ней.

Онъ не нашелъ квартиры, но нашелъ жену и остался на прежней квартирѣ, которую хотѣлъ было смѣнить, потому что она сдѣлалась для него велика съ тѣхъ поръ, какъ Эрнестинка, — чтобы ей пусто было, — сбѣжала отъ него съ этимъ... какъ его!..

Я думаю, что каждый холостой человѣкъ сдѣлаетъ изъ этого разсказа полезный для себя выводъ.

Женатому же человѣку онъ лишній разъ докажетъ, что въ Петербургѣ теперь легче найти жену, чѣмъ квартиру.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ.

Какъ избавиться отъ прежней квартиры.

Прежде чѣмъ искать новую квартиру, слѣдуетъ подумать о томъ, чтобы развязаться со старой.

Если у васъ оканчивается контрактъ, нѣтъ ничего легче сдѣлать это.

Вы заявляете господину старшему дворнику за мѣсяцъ до окончанія срока контракта, что согласны переносить всѣ пытки, какія онъ найдетъ нужнымъ.

И вотъ съ утра до ночи начинается процедура показыванія вашей квартиры лицамъ, желающимъ и не желающимъ снять ее.

Еще въ постели вы слышите звонки.

— Что такое?

— Квартиру посмотрѣть.

Вы слышите топотъ ногъ старшаго дворника, незнакомые голоса, критикующіе ваши комнаты, вашу обстановку,

ваши картины. Слышите, что подходить къ вашей спальнѣ.

— Сюда нельзя. Я еще въ постели! Но васъ не слушаютъ. Входятъ.

Инстинктивно вы ныряете подъ одеяло съ голтикой. Но никому изъ компании и дѣла нѣтъ лично до васъ. Васъ не замѣчаютъ. Васъ не существуетъ.

Смотрятъ квартиру, а не васъ.

— Какая дикая фантазія пришла устроить здѣсь спальню, когда здравый смыслъ подсказываетъ, что здѣсь мѣсто дѣтской, — замѣтило недовольнымъ тономъ густое контрольтю.

— А можетъ быть, у нихъ дѣтей нѣтъ, — пытался защитить меццо-сопрано.

— Какъ же нѣтъ, когда я видѣла въ залѣ дѣтскій граммофонъ, — отпарировало грудное контрольтю.

— А можетъ быть самъ хозяинъ этой квартиры развлекается имъ. Всякіе чудачки бываютъ.

— Не повѣрю, чтобы взрослый человѣкъ могъ развлекаться граммофономъ.

— А можетъ быть онъ поугаяя учитъ говорить. Вонъ у Смирновыхъ, Иванъ Васильевичъ своего поугаяя выучилъ съ граммофона пѣть «Куда, куда вы удалились». Не сына же онъ съ граммофона пѣть учитъ.

Начался споръ.

Чтобы покончить его, я хотѣлъ крикнуть:

— Mesdames! это Вовочкинъ граммофонъ!

Но вмѣсто этого чихнулъ.

— Тутъ кто-то есть! — съ ужасомъ воскликнуло грудное контрольтю, — какой безстыдникъ!

— Какъ же намъ сказали, что барина дома нѣтъ, — съ негодованіемъ возопило меццо-сопрано.

Но ихъ голосъ покрылъ голосъ моей Лукреціи (Лукерья тожъ):

— И вовсе я сказала, что баринъ еще спали и чтобы въ эту комнату не ходить, она запертая. А я не виновата, что Митричъ меня на кувно завлекъ, къаску испить запросилъ.

Митричъ — это фамилярное наименование нашего Старшаго Дворника. Вѣроятно, онъ самъ разбѣжалъ Лукреціи называть его такъ фамилярно. По крайней мѣрѣ, я не разбѣжалъ.

И вся компанія скрывается. На прощанье слышатся слова меццо-сопрано:

— Нѣтъ, это намъ не подходитъ. Если бы на двѣ комнаты больше и на двадцать рублей дешевле.

За день въ насмотритесь такихъ типовъ и наслушаетесь такихъ діалоговъ, что съ вашей стороны было бы непростительно не превратиться послѣ этого въ драматурга.

Другая барыня въ теченіе трехъ четвертей часа такъ чернила квартиру, что мнѣ стало совѣстно за себя:

— Господи, подумалъ я, и какъ это мы съ женой прожили цѣлый годъ въ такой отвратительной конурѣ.

Но иногда я мысленно протестовалъ. Мнѣ становилось жаль оклеветанной квартиры. И разъ я до того разстрогалъ

ся, что чуть не рѣшилъ остаться въ ней еще на годъ.

Однажды ввалилось въ мою квартиру цѣлое общество.

Мамаша, папаша, двѣ бабушки, два мальчугана чуточку побольше моего Вовочки, дѣвочка и гувернантка съ мопсикомъ.

Сначала эта компанія размѣстилась въ гостиной.

Папаша и мамаша вытирали потъ и говорили «надо отдышаться». Бабушки ссорились изъ-за какой-то «выточки». Гувернантка надрала ухо старшему мальчику и хотѣла поставить въ уголъ младшаго. Дѣвочка почему-то всхлипывала.

Добросовѣстно осматривала только мопсикъ. Причемъ онъ особенно подолгу останавливался на мѣстахъ, гдѣ любилъ останавливался и Чемерлешка.

Просидѣвъ минутъ двадцать въ гостиной, всѣ гурьбой двинулись въ столовую. Папаша и мамаша оживленно разговаривали о квартирѣ, причемъ они часто поминали въ разговорѣ «темненькую».

— Гдѣ они увидали у меня «темненькую», — подумалъ я. — У насъ нѣтъ ни одной темной комнаты.

Въ столовой они просидѣли съ полчаса. Мальчикъ съ краснымъ ухомъ досталъ изъ граммофонной мембраны сѣмечки, которая туда запихалъ Вовочка.

Мальчикъ, котораго чуть было не поставили у меня въ гостиной въ уголъ, пробовалъ повертѣть граммофонъ.

Дѣвочка начала слезливою голосомъ: — Idl Кэвокы!.. Кэвошка-а.

Гувернантка кричала: — Кэвокы! Кэвокы!..

Лукреція пробѣжала за трапкой, ворча подъ носъ протесты.

Компанія перешла въ кабинетъ и тоже разслышалъ.

И тутъ я понялъ, что мамаша съ папашей вовсе не интересуются моей квартирой, а мысленно размѣщаются въ той, которую видѣли вчера на Разъѣзжей.

Они и вида не подавали, что мое присутствие стѣсняетъ ихъ. Меня же ихъ присутствіе ѣсило.

— Лукреція! Накрывай на столъ! И спроси у этихъ господъ, намѣрены ли они здѣсь обѣдать?

Папаша вскочилъ, мило улыбнулся и кланяясь пробормоталъ:

— Благодарю васъ!.. Мы уже обѣдали!..

Подъ видомъ осматриванія квартирѣ попадають въ ваше гнѣздышко совѣмъ нежелательныя птицы.

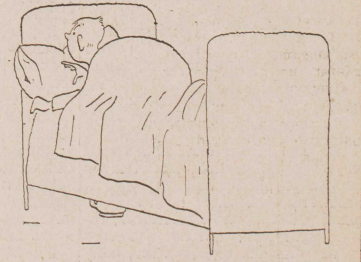
Какой-то молчаливый лохматый субъектъ полчасъ лазалъ по полу моихъ комнатъ съ рулеткой въ рукахъ. Лукреція помогала ему измѣрять комнаты.

А въ результатъ у нея пропала серебряная чайная ложка, брошка съ брилліантомъ Тэта, а у меня со стола бронзовая пишечка (статуэтка Психей).

Еще хуже дѣло обстоитъ, если у васъ контрактъ не кончился и вы сами принуждены передавать свою квартиру.

Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Н. ШЕВУЕВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ

„СЕГОДНЯ“

прогрессивный партійный органъ, сообщаетъ днемъ раньше другихъ газетъ всѣ событія, происшедшія съ 1 ч. ночи и до 1 ч. дня. Въ непродолжительномъ времени начнетъ давать иллюстраціи на злобу дня. Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой на 12 мѣс. — 4 р., на 6 мѣс. — 2 р. 25 к., на 3 мѣс. — 1 р. 20 к., на 1 мѣс. — 40 к. Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 61. Телеф. 217—60.